

УДК 008

МЕТАФИЗИКА ИНВЕРСИИ КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТРИЦ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

Марков Александр Петрович, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ, профессор, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: markov_2@mail.ru

¹ В основу статьи положено выступление автора на XVII Международных Лихачевских научных чтениях «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» (Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 18–20 мая 2017 года). При реализации проекта «XVII Международные Лихачевские научные чтения» используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Российский союз ректоров».

В статье дается характеристика глобальных проблем современного мира, которые свидетельствуют о неизбежности радикального поворота к новым формам и моделям цивилизационного развития, содержится анализ механизмов смены культурно-антропологических матриц. В качестве ключевого показателя кризиса европейской цивилизации рассматривается истощенность энергий христианского Логоса, утрата антропотворческой миссии Слова. Ключевые разломы европейской цивилизации делают наиболее очевидным вариантом будущего возвращение языческой эры человеческой истории – «культуры жрецов», которая фундаментально отличается от мировых культур, сформировавшихся на базе текстов Ветхого и Нового завета. Сегодня основные культурно-антропологические проблемы европейской цивилизации вытекают из ее переходного характера и незавершенности культурного типа, в «теле» которого усиливается борьба двух антропологических доминант: классической и языческой. Их непримиримая дихотомия обнаруживается в ментальной сфере, где происходит борьба между архаическим сознанием и логоцентризмом, в системе гуманитарного знания, в жизненных стратегиях. Особую остроту эта борьба обретает на этапе вхождения западной культуры в постмодерн, который знаменует переход от «прометеевской» к «орфической» модели. Трансформация европейской культуры в фазу постмодерна, активно отвергающего гуманистические ценности христианства и Просвещения, становится условием экспансии язычества, деформирующего ключевые атрибуты бытия человека и общества.

Ключевые слова: глобальный кризис, культура и цивилизация, европейский модерн, антропологический кризис, логос и хаос, цивилизационные матрицы, эра язычества.

METAPHYSICS OF INVERSIA OF CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL MATRICES OF EUROPEAN CIVILIZATION

Markov Aleksander Petrovich, Dr. of Pedagogical Sciences, Dr of Culturology, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Professor, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: markov_2@mail.ru

The article describes the global problems of the modern world to testify to the inevitability of a radical turn to new forms and models of civilizational development, contains an analysis of the mechanisms for changing cultural-anthropological matrices. The exhaustion of the energies of the Christian Logos, the loss of the anthropological mission of the Word considered as a key indicator of the crisis of European civilization. The key faults of European civilization make the most obvious variant of the future return of the Pagan era of human history – the “culture of the priests” – which is fundamentally different from the world cultures formed on the basis of the texts of the Old and New Testaments. Today the main cultural and anthropological problems of European civilization stem from its transitional nature and incompleteness of a cultural type, in the “body” of which the struggle between two anthropological dominants is increasing: classical and pagan. Their irreconcilable dichotomy is revealed in the mental sphere, where there is a struggle between archaic consciousness and logocentrism, in the system of humanitarian knowledge, in life strategies. This struggle is especially acute at the stage of the entry of Western culture into postmodernism, which marks the transition from the “Promethean” to the “Orphic” model. The transformation of European culture into a postmodern phase, that actively rejects the humanistic values of the Christianity and Enlightenment, becomes a condition for the expansion of paganism, deforming the key attributes of the existence of man and society.

Keywords: global crisis, culture and civilization, European innovation, anthropological crisis, logos and chaos, civilizational matrices, era of paganism.

1. «Минуты роковые» современной цивилизации

Мир стремительно меняется, и масштабы перемен не только поражают воображение, но и вызывают тревогу. Нервом публикаций и научных

конференций последнего времени становится осознание тревожного факта: мир переживает «минуты роковые» – приближающийся пик глобального кризиса по своим масштабам и последствиям превосходит «Осевое время» в истории человеческой

цивилизации. Глобальный кризис современной цивилизации имеет множество измерений, которые в совокупности говорят о нарастании угрожающих существованию человечества тенденций: экспансия терроризма и вооруженные конфликты на Ближнем Востоке; новый этап холодной войны Запада с Россией; «великое» переселение народов и провал политики мультикультурализма; кризис политической и экономической интеграции в рамках ЕС, усиливающий экономическое неравенство общеевропейского рынка и отодвигающий на периферию страны Юго-Восточной и Центральной Европы; кризис либеральной демократии и ослабление национальных государств в результате политики расширения наднациональных корпораций, налоговой конкуренции и утечки капиталов.

Расширяется спектр проблем техногенного характера, представляющих реальную угрозу существованию человечества: необратимые изменения климата; разрушение биосферы, которая утрачивает способность обрабатывать антропогенные воздействия и сохранять состояние гомеостаза; увеличивающийся риск глобальных техногенных катастроф; достижения геномной инженерии, угрожающие среде обитания и биологической природе человека. Специфика этих проблем состоит в том, что они не поддаются минимизации в рамках традиционных методов управления рисками на национальном уровне, поскольку не признают никаких границ – географических, государственных, междисциплинарных, социальных (В. А. Черешнев).

Угрожающие масштабы принимает процесс деформации человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения. Беспрецедентный рост новых (и ускользающих от человеческого контроля) технологий сотрясает основания традиционных «жизненных миров». Впервые в истории человечества «возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности, основы, с которой в процессе социализации соединяются разнообразные программы социального поведения и ценностные ориентации, хранящиеся и вырабатываемые в культуре. Речь идет об угрозе существования человеческой телесности, которая является результатом миллионов лет биоэволю-

ции и которую начинает активно деформировать современный техногенный мир. Образовавшийся биотехносимбиоз порождает ряд психологических, социокультурных и экзистенциальных проблем. Обнаруживается парадоксальная ситуация: технологический прогресс в средствах коммуникации, рождающий все более изощренные способы улучшения условий жизнедеятельности, не стимулирует духовное развитие личности, а, наоборот, обслуживает наиболее архаичные и примитивные инстинкты и потребности человека.

Как отмечает В. С. Степин, ««высокие технологии», предельно расширив мир человека, уничтожив пространственно-временные границы, сделав возможным доступ к любой информации, сделали человека своим приложением, рабом, придав его привязанностям форму зависимости. <...> Человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует и которые становятся чуждыми его природе. Чем больше он преобразует мир, тем в большей мере он порождает непредвиденные социальные факторы, которые начинают формировать структуры, радикально меняющие человеческую жизнь и, очевидно, ухудшающие ее. <...> По-видимому, на рубеже двух тысячелетий, по христианскому летоисчислению, человечество должно осуществить радикальный поворот к каким-то новым формам цивилизационного развития» [17, с. 45].

2. Механизмы и факторы смены цивилизационных матриц

Финал мировых цивилизаций (а также кардинальная смена цивилизационных матриц) предопределен несколькими факторами. Культуры и цивилизации сходят с исторической арены в результате поглощения более сильным и молодым «конкурентом». «Смерть» культурного организма наступает как результат исчерпанности замысла и реализации заложенных потенциалов. В развитии мировых цивилизаций обнаруживается некий общий «эквивалент, отличающийся каждой подробностью поверхностной стороны, но окончательно тождественный во внутреннем порыве, влекущем великий организм к завершению» [22, с. 158]. Всякая культура есть «культура духа», и на известной стадии своего развития культура начинает «разлагать свои основы» – она духовно истощает себя, рассеивает свою энергию (Вл. Соловьев).

В частности, глубинные причины и факторы кризиса европейской цивилизации коренятся в исчерпанности фундаментальных смыслов и проектных ресурсов ее культурных оснований. Логику и неизбежность «отпадения» от христианской назначенности (а по сути – вырождения) бытия определил *пра-символ* европейской цивилизации – гетевский Фауст, герой-мятежник, восстающий против обыденности, стремящийся исправить несовершенство мира, символизирующий единство ума и воли (О. Шпенглер). К концу XIX века «фаустовский дух» тысячелетнего периода западноевропейской культуры иссяк, и культура приходит к своему органическому завершению, вырождаясь в цивилизацию, которая есть «рок всякой культуры», «неизбежная судьба культуры», означающая ее смерть и окостенение. По Шпенглеру, «культура и цивилизация – это живое тело душевности и её мумия» [22, с. 538]. Механизм падения (и признаки перехода западной культуры к цивилизации) включает: распад души культуры и «угасание духа» творческого импульса (исчерпанность созидательных энергий ее пра-символа); экспансию рациональной мысли и сокращение пространства символического и мифологического; волю к мировому могуществу, к созданию технологизированной среды обитания (озабоченность устройением «поверхности земли»).

Западноевропейская культура, концентрирующая коллективный опыт и сохраняющая духовную доминанту на протяжении многих столетий, входит в эпоху «переворачивающегося» времени, демонстрируя неизбежную историческую логику «маятника»: она все дальше отступает от своих истоков, покидая духовные матрицы бытия, сформировавшиеся «Осевым временем» и христианской антропологией, возвращаясь к архаическим первоначалам человеческой истории. Рушится европоцентристская парадигма истории, согласно которой Европа представляет собой единственную цивилизацию, противостоящую «неправильности» и «неразвитости» восточного мира. Сокращается «шагреновая кожа» и уходит время «протеевской» Европы, с ее активностью и экспансией, деятельной обращенностью вовне и неспособностью найти опору в себе, с самозванством и «хитрой мудростью» своего вороватого архетипического прототипа, которая становится оборотной стороной внутренней несамодостаточ-

ности и духовной ущербности, компенсируемой «украденным» у других народов и культур. Смерти европейской культуры, на «кладбище» которой возникает цивилизация, предшествовала «метафизическая усталость» европейского мира, осознание исторического кризиса, «которое в течение последних ста лет или более постепенно углублялось и теперь характеризует мышление почти всех людей» [24, с. 240]. Принципы заключительного этапа перехода к антихристианскому пост-модерну были прописаны в концепциях «трех китов» европейского либерализма: Маркса, Ницше и Фрейда, теоретически обосновавших доминанту практической, материально-производительной сущности человека над его духовной природой, примат желания (бессознательного «хотения», «либидо») над разумом и нравственностью.

В своем стремительном движении в «будущее» современная европейская цивилизация неожиданно для себя оказалась у «красной черты», отделяющей ее от опыта языческого прошлого, трудно и мучительно преодолеваемого тысячелетиями человеческой истории. Начиная с «Осевого времени» библейские и христианские пророки утверждают понимание единого Бога как совершенного и альтернативного всему сущему, переносят идеал в область духовного, которая «по ту сторону жизни», заявляют о свободе как высшей ценности, которая вырывает человека из оков рода². На смену архаическому сознанию приходит *культ Логоса* (Слова, Книги), который разрывает языческий круг времени, наделяя его атрибутами драматизма и эсхатологичности, утверждает греховность и несовершенство человеческого мира, который нуждается в искуплении и преображении. Логоцентризм как «глобальная культурная парадигма», утвердившаяся в I тыс. до н. э., вплоть до настоящего времени определяла «ментальные режимы и цивилизационный уклад развивающейся части человечества». Становление логоцентризма «связано с фундаментальными процессами: решительным отрывом культуры от

² На этом этапе происходит смена знака «божественных» символов культуры жрецов, и теперь «Светоносный Люцифер становится Сатаной, солнечный Аполлон – Иблисом, Дионис – козлом, а бог пустынных изгоев – Господом-Вседержителем. Воцаряется монотеизм и культ Книги. Так уходит Античность и рождается эра логоцентризма» [1, с. 59].

природных оснований и замыканием её на себя, а также с конституированием *Слова/Логоса* как онтологического источника реальности, оформленным в монистических доктринах, которые вуалируют становление дуалистического сознания. Логоцентризм, таким образом, знаменует рождение *вторичного макрокультурного синтеза*, который приходит на смену древнему палеосинкретизму» [13, с. 2].

Сегодняшний мир выпадает из христианской антропологической матрицы, демонстрируя жестокость и равнодушие, алчность и гедонизм. Симптомами истощенности духа европейской культуры становятся массовая утрата смысла жизни, расширение спектра девиаций и деструктивных сценариев самореализации³. При этом выпадение из «корневой системы» на уровне обыденного сознания не воспринимается как катастрофа или даже проблема – нарастающая «экзистенциальная пустота» современного человека нуждается в переменах, с которыми связываются надежды на обретение новых смыслов и иллюзий.

Смена цивилизационных матриц происходит также в результате накопления внутри культурного организма непреодолимых противоречий, деформирующих мировоззренческое ядро и ментальные матрицы культуры, обеспечивающие ее целостность в историческом времени. В частности, глубинным источником мировоззренческих противоречий европейской культуры (и причиной кризиса христианского духа европейской цивилизации) являются деформирующие проекты европейской истории: Возрождение (которое утверждает антихристианский антропологический проект, составивший основу европейского гуманизма) и протестантская Реформация (особенно в своей «кальвинистской» ветви), ото-

³ Духовная деградация последнего времени особенно выпукло проявляется в искусстве, которое отрывается от жизненной полноты и света и переходит к сумрачности, серости, разложению, доминированию некрофильской и шизофренической символики. «Экзистенциальное старение» европейской цивилизации в значительной степени определило ее биологическое вырождение, выражающееся в сегодняшней демографической катастрофе европейского мира, который вынужден был открыть границы для «чужого» в духовном плане «генетического материала» из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

ждествившая христианскую святость с трудом и земным успехом и открывшая дорогу капитализму, который утверждается в качестве доминанты европейского мира на много веков. Реформация осуществила десакрализацию христианских «заветов», отказавшись от «заповедей блаженств» Христа в пользу Человека, заложив тем самым основание для будущей культурной парадигмы эпохи «Просвещения». «Постхристианский» человек Европы эпохи модерна открыто отрекается от идеала Нагорной проповеди Христа, исповедуя ценности индивидуализма и сытости, статуса и успеха, власти и престижа.

Истощенность замысла и размывание смыслообразующего пространства культуры, выполняющего функции ее единения, собирания («души»), становятся причиной структурного дисбаланса цивилизационных матриц, который открывает простор для сил хаоса – источника энтропии (на языке физики этот процесс означает переход вещества на более низкий уровень организации с выделением энергии). Потеря ценностного, смыслового и темпорального единства общества, согласованности в функционировании ключевых социально-культурных институтов разрушает симметричную организацию системы и способствует распаду внутренних связей между ее составляющими. В результате усиливается влияние «малых возмущений», вызывающих рост неустойчивости и неравномерности развития⁴. Торжество энтропии означает гибель системы.

3. Симптомы деформации христианского духа европейской культуры

Ключевым показателем кризиса европейской цивилизации, свидетельствующим о неизбежности смены эпох, является истощенность энергий христианского Логоса, утрата антропотворческой миссии Слова. По мнению А. Делиленко, «нынешний кризис – это не кризис отдельных обществ, а всей макрокультурной системы, пришедшей в I тыс. до н.э. на смену Древнему миру, и которую уместно назвать логоцентричной... Мир, в котором сакрализованное Слово/Логос служило

⁴ Как отмечают исследователи, «развитие в режиме с обострением – это всегда неустойчивое развитие, чреватое кризисами и потрясениями, требующее регулирования и соблюдения баланса между противоположными силами и процессами» [10, с. 131].

духовным Абсолютом и источником реальности, распадается. Слово исчерпало свои культуротворческие возможности, и постмодерн подвёл под ними черту. Слово, погружаясь в энтропию релятивизма, более не является ни двигателем культурной динамики, ни маской самой Культуры. Логоцентрические дискурсы, от книжной культуры в целом, до религии, философии, науки и искусства, отмирают или маргинализируются. Одни быстрее и заметнее, другие – медленно и подспудно. Но, как говорится, процесс идёт, и повернуть его вспять невозможно. Перерождается и сама человеческая ментальность. В русле, грубо говоря, “правополушарного реванша” рождается новый культурно-антропологический тип – постлогоцентрический, носитель своеобразной новой естественности» [12]. О деградации логоцентричной методологии познания и творения человека и мира свидетельствует сокращение пространства «высокой» культуры Логоса (в том числе и путем целенаправленного вытеснения христианской антропологии «информационным мусором»). Духовной коррозии подверглись центральные институты гуманитарной культуры – философия, литература, живопись. В. Ерофеев пишет, что «идет заигрывание со злом... Красота сменяется выразительными картинами безобразия... Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к «грязному» слову, мату как детонатору текста... Сместилась четкость оппозиции: жизнь переходит в смерть. ...Смешались мужчины и женщины... Возникла тяга к святотатству» [5, с. 12–13, 30]. Торжествующий сегодня в либеральных кругах Европы и Америки постмодерн, утверждающий «абсолютный полицентризм истин» – это культура «малого», «внутриисторического апокалипсиса» [8].

О деформации логоцентричного фундамента культуры свидетельствует экспансия деструктивной (в том числе антихристианской) антропологии в системе гуманитарного знания – начиная с хлесткой метафоры Ницше о «моргающем европейском человечке», о человеке как «животном с испорченными инстинктами» («неустановившемся животном»), западные гуманитарии представляли человека «голой обезьяной» (Д. Моррис), «ошибкой эволюции» (А. Кестлер), а З. Фрейд фундаментально обосновал идею «патологично-

сти» человеческого сознания, озабоченного сексуальными желаниями и деструктивными помыслами⁵. Интеллектуалы современной Европы делают не менее пессимистические выводы о губительной траектории нынешнего развития человечества, прогнозы о печальном постисторическом периоде европейской культуры, в котором деформированы, находятся в состоянии транса или уже умерли ключевые гуманитарные институты – религия, философия, искусство, а вместо этого остается тщательно оберегаемый «музей человеческой истории» (Ж. Бодрийяр).

Кризис логоцентризма в значительной степени обусловлен диспропорцией двух составляющих его энергий – радио и веры (интеллекта и души). Доминирование рационалистически мотивированных проектов совершенствования человека и мира, игнорирующих или нарушающих нравственные законы бытия, превращает эти проекты в форму «исторического возмездия». И чем дальше «прогрессирует» человечество, тем больше примеров такого возмездия⁶.

Во-вторых, предельных значений достигает скорость свертывания (сжатия) исторического линейного времени в циклические модусы повторяющегося настоящего. В современном мире амплитуда между прошлым и будущим сжимается до «здесь и теперь», и в ускоряющемся жизненном темпе христианское «время мистерии»

⁵ М. Фуко отмечал, что и Маркс, Ницше и Фрейд создали вокруг нас такие зеркала, в которых видимые нами наши образы становятся для нас неисчерпаемым оскорблением [20].

⁶ Дело в том, что позитивистская доминанта исключает из проектной деятельности энергию совести – «дальновидного рецептора на расстоянии» и «глубокого зрителя будущего», способного предвидеть катастрофические последствия прогресса. Совесть («совесть» или «о-весть») – это «таинственный, судящий голос внутри нас, собирающий в себе все источники и порядки ведения, все унаследованные впечатления от жизни рода, и предупреждающий особыми волнениями и эмоциями высшего порядка о должных последствиях того, что сейчас делается перед нами». «От абстрактного ума, лишённого жизни, сердца, чувства, нравственности, один шаг до безумия, с которым давно граничит, например, технократическое мышление». «Душевные интегралы» интуиции совести позволяют предвидеть негативные последствия человеческих деяний [19, с. 458].

вытесняется механическим, хроникальным временем, которое событийно уплотняется до неразличения прошлого, настоящего и будущего.

Особенно отчетливо эффект «сворачивания» линейного времени обнаруживается в виртуальном мире интернет-коммуникаций, который разрушает обычный порядок следования событий и явлений: отсутствием (или сжатием до неразличимых мгновений) временных промежутков создается «хаос вневременности» как иллюзия вечности. «Трансформация времени» – дробление «линейного, необратимого, измеряемого, предсказуемого времени» на отдельные фрагменты и куски – является одной из ключевых характеристик сетевого общества. Результатом такой трансформации становится релятивизация времени и его обратимость, смешивание разных времен в любом порядке и в любом контексте.

Свертывание прошлого и будущего как ключевых модусов бытия до исчезающего настоящего (утверждение «недифференцированного времени», равнозначного вечности) является значимым свидетельством истощенности культурного кода цивилизации, процесса пересадки культуры «на новую и ранее чуждую ей территорию, на которой нет места бессмертию и вечности». Христианская культура изначально создавалась как «мост», связующее звено между временем и вечностью, конечным и бесконечным. Ключевые «мосты» культуры с вечностью связаны с религиозной верой в жизнь после смерти, с идеей «бессмертия души». Сегодня «путь в вечность» полностью перекрыт для современного человека, и ему остается сосредоточиться на радостях земной жизни, найти смысл и ценность в своем телесном существовании (З. Бауман). «Тиранию момента» утверждают также жизненные смыслы и стратегии «человека потребляющего», которые обрывают «всякую связь индивида с вечностью», делают его «рабом мгновения» [23, с. 152]. Свертывание времени сокращает пространство сущего и должного, избавляя тем самым европейского человека от важнейшего условия духовного возвышения – чувства вины как фундаментального для христианской антропологии переживания – «зова Бытия», обязывающего человека «высветить» мир в присущей ему полноте, реализовать собственные возможности, переводя их из сокрытости в явленность (М. Хайдеггер), из темноты на свет (М. Босс).

В-третьих, значимым свидетельством «духовного истощения» европейской цивилизации является антропологический кризис, усиливающийся под воздействием деструктивной энергетики постмодернистского дискурса и интернет-коммуникаций, питающийся «бездонной и бесконечно самообновляющейся» с помощью институтов маркетинга «бочкой потребностей» [2, с. 26]. Свидетельством антропологического кризиса является смещение (инверсия) нравственных доминант, обеспечивающих духовно-нравственную основу мировых культур. Постмодернистский дискурс, современное искусство, СМИ совершили глобальную инверсию «верха» и «низа» культуры. Особую роль в уничтожении «старомодного провинциализма» различия верха и низа сыграл институт маркетинга, который, с одной стороны, эстетизировал акт купли-продажи товаров и услуг, превратив культуру в упаковку торговых операций, оснастил потребительское поведение социально и лично значимым культурно-символическим капиталом, превратив его в некое подобие творчества⁷.

Результатом антропологического кризиса становится мощный всплеск девиаций и «форм предельного опыта человека», приближающегося к «границам» человеческих возможностей. Это опыт «выхода за пределы» в виде патологии и трансгрессии, экстремальных психопрактик и «извращений» (маний, фобий, неврозов, психозов), псевдомистических движений и сект, засасывающего погружения в виртуальную реальность и наркоманию, криминального поведения и терроризма [21]. О кризисе духовных матриц европейской цивилизации свидетельствует растущий экзистенциальный вакуум, вызванный деформацией смыслообразующей функции культуры.

Расширению пространства «нравственной аномии» предшествовала девальвация в сознании европейского человека ключевых духовно-нравственных категорий христианской антропологии (стыд, совесть, вина, грех), удерживающих его

⁷ Маркетинг включил в орбиту рыночного обмена, помимо товаров и услуг, имиджей и брендов, произведения искусства, а также принципиально неотчуждаемые атрибуты человеческого бытия, глубинные потребности и интимные переживания (включая самое отвратительное – продажу детородных органов женщины).

в границах нормативного поведения⁸. Как отмечает О. С. Соина, «сейчас мы фактически имеем дело с невозможной до сих пор предельной субъективацией и релятивизацией самой морали как таковой, утратившей к концу XX века такие необходимые качества и характеристики, как: присутствие в нравственном сознании личности и в системе социокультурных отношений четких критериев различения добра и зла; готовность духовной воли индивида к осуществлению акции нравственного выбора – как в сфере поведенческих инициатив, так и в области мировоззренческих реалий – социально-гражданского и духовно-нравственного идеалов, осмысления целей и ценностей человеческого бытия; потребность в нравственном творчестве, самовыражении в сфере этических представлений, классифицировавшем и закрепишем в культуре размышления индивида о высших и совершенных типах человеческого поведения – благородстве, самоотверженности, бескорыстии, милосердии, самопожертвовании и т. д.» [15]. Сказанное выше свидетельствует о том, что европейская цивилизация, «двигаясь в своём эволюционном фарватере по пути построения уникальной антропо (персоналистски) ориентированной культурно-цивилизационной системы, дошла до края, и теперь мы наблюдаем единственный пока в истории кризис антропоцентрической, а не социоцентрической системы» [12, с. 17, 18].

4. Оптимистические и пессимистические сценарии выхода из кризиса

Современное гуманитарное знание все чаще оценивает мир как все более неустойчивый, неуклонно приближающийся к своей катастрофе. Относительно перспектив будущего существует несколько версий. Набирает обороты исторический пессимизм, который в XX веке приходит на смену историческому оптимизму, с его верой в прогресс

⁸ Очевидными признаками деформации христианского культурного кода евро-атлантической цивилизации (инверсии его норм и ценностей) является культурная легитимация человеческих пороков – садизма (легализация однополых браков уже произошла в 16 странах), педофилии и инцеста, которые постепенно становятся «гендерной нормой», и даже каннибализма, элементы которого уже начинают обыгрываться в сюжетах телевизионных ток-шоу США.

и «светлое будущее». «Итог» человеческого прогресса не внушает оптимизма: «Если подвести итог тому, что сделал человек с момента своего появления на земле, мы должны констатировать, что он не открыл ничего нового ни о жизни, ни о смерти, ни о Боге, ни об универсуме, ни о пространстве и времени; несколько неуверенных слов о свете, о теплоте, об электричестве и гравитации и ничего о духе и материи, ничего о вечности, о бесконечности, о добре или зле, о происхождении, о цели или пределе» [14, с. 170]. Все чаще контуры идеального устройства бытия обнаруживают в прошлом. Мысль о преодолении европейского типа мышления и тех опасных тенденций, к которым ведет его развитие, не раз возникала в течение последнего столетия. «Новую наивную эпоху» предсказывали ведущие мыслители первой половины XX века⁹, сегодня о неизбежности нового Средневековья говорят теоретики постмодерна. Возможным вариантом будущего «освобожденной от Бога» западной «антицивилизации» рассматривается жесткий тоталитаризм «нового мирового порядка» (А. Казин), вырастающий на массовом страхе экологической катастрофы и грядущего сокращения «жизненного пространства».

Все большую популярность получают идеи ко-эволюции человека и природы, которые характерны были для этапа язычества, но в своей основе не противоречат христианским представлениям о человеке и мире. Новый масштаб угроз земной цивилизации рождает «антикультурные парадигмы» развития, констатирующие неизбежность гибели культуры и возвращения к древним временам «гармонии» человека и природы¹⁰. Оптимистические контуры «новой эры» в истории человечества связывают с переходом на инновационный путь развития, который пред-

⁹ В частности, П. Сорокин связывал будущее европейского мира с возвращением его «в христианский дом» – он верил, что за пределами «ночи» европейской переходной эпохи («с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами») «различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение – людей будущего» [16, с. 427].

¹⁰ Типичный пессимистический вариант будущего представлен в концепции американского философа-примитивиста Дж. Зерзана. Основная идея автора – необходимость и неизбежность отказа от культуры и возврат к «новому единству» с природой [7].

полагает использование энерго- и ресурсосберегающих и ресурсовозобновляющих технологий, утверждением общества, живущего в соответствии с обновленными нравственными и экологическими императивами. В основе такого перехода – понимание обреченности экстенсивного пути развития, ведущего к хищническому потреблению ресурсов, необходимости категорического отказа от принципов и приоритетов «общества потребления» [4, с. 44, 87]. Исследователи пишут, что «стабильность, устойчивость, замедление исторического времени, гармоничное развитие общества, коэволюция человека и природы – вот главные характеристики новой цивилизации» [10, с. 152]. В качестве стратегического направления «улучшения» рассматривается конвергентное развитие НБИКС (нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных, социальных технологий и соответствующих им областей знания), разработки в области искусственного интеллекта и информационных технологий, способных осуществить преобразования человека и социума. Обсуждаются идея кибернетического бессмертия, перспективы технологической трансформации человеческой телесности и ментальности, проекты коэволюции тела, сознания и среды [3]. На фоне экологического и экзистенциального кризиса цивилизации все активнее обсуждается «трансгуманистическая идея достижения бессмертия путем создания искусственного тела человека и переноса в него личности индивида, тело которого исчерпало свои жизненные ресурсы»¹¹.

Все чаще в научно-предпринимательских кругах говорят о «необходимости перехода нашей цивилизации к шестому технологическому укладу», о неизбежности наступления «четвертой промышленной революции», которая должна прийти на смену нынешней «информационной революции» (третьей по счету после аграрной и индустриальной). Такого рода перспективы автоматизации и роботизации производства исключают из

¹¹ Этот проект рождает ключевой метафизический вопрос: зачем человеку бессмертие, если нет высоких смыслов и целей деятельности, «если оно сулит унылую бесконечность абсурдности бытия массового человека, шагающего в будущее в своей привычной конкурентной свалке, в алчном стремлении ко всё большему потреблению все новых и новых предметов, все новых чувственных удовольствий и комфорта» [11].

хозяйственной жизни человека – он «сливается с техникой» и из субъекта деятельности превращается в объект, в средство, в киборга. Шестой уклад – это уже эпоха трансмодерна, время «сингулярного перехода» окружающей реальности в иное, «постчеловеческое состояние», которое окончательно станет «несоизмеримым с нашим жизненным миром» (В. А. Кутырев).

5. Исход в язычество как проект будущего

Ключевые разломы европейской цивилизации наиболее очевидным вариантом будущего делают возвращение языческой эры человеческой истории – «культуры жрецов», которая фундаментально отличается от «культуры пророков», сформировавшейся на базе текстов Ветхого и Нового завета¹². В ментальности древних доминировало архаическое сознание (с его иррациональностью, мистицизмом и мифологизмом), воспринимающее время как цикличное и постоянное, а мир – как безальтернативный, который содержит в себе изначальную гармонию и полноту. В мире язычника нет должного, поэтому он исключает «этическую драму», которая рождается от осознания несовершенства сущего и неизбежности его преобразования в соответствии с должным. Пирамидальная (жесткая и устойчивая) структура общества имела сакральную легитимацию и строилась на тотальной включенности человека в структуру рода. Высшую роль в социальной иерархии играли жрецы (маги, оракулы) – посредники между миром людей и духов. Технологический репертуар жрецов составляли техники управления природой и практики целительства, психотехники заклинаний, экстатические практики погружения в транс, ритуалы жертвоприношения, техники «заупокойной» магии, некромантии и т. д. [6].

Можно обозначить несколько очевидных признаков, свидетельствующих о нарастающей экспансии «культуры жрецов»:

¹² Идею неизбежного возвращения фундаментальных атрибутов этого огромного пласта человеческой истории высказывал российский политолог и публицист Гейдар Джемаль. Он считал, что мировоззренческие основания, ментальные матрицы и в значительной степени ритуальную составляющую древнейшей «культуры жрецов» сохранили народы, исповедующие индуизм, буддизм и суфизм, которым суждено стать лидерами «языческого реванша».

Во-первых, все активнее в общественном сознании (и особенно – в институтах массовой культуры) утверждается характерная для язычества доминанта мифологического мышления и мировосприятия (и расширяется сегмент соответствующего типа ментальности, с ее жесткостью по отношению к чужаку, жестким разделением на «мы» и «они» по критерию «почвы и крови»). В современной массовой культуре, в искусстве, в СМИ, в рекламном дискурсе мифологизм, преимущественно в своих деформированных модификациях, начинает активно вытеснять логоцентричные матрицы христианской культуры.

Конечно, в своих глубинных сущностях онтологический статус мифа объединяет его с Логосом, поэтому мифологическое мышление глубинно встроено в ментальные матрицы человека. Неслучайно миф в философско-культурологическом знании рассматривается как древнейший способ мировосприятия и форма концентрации опыта коллективного бессознательного (З. Фрейд, К. Юнг), первичный, устойчивый и не изживаемый пласт культуры, структурирующий жизнь народа (Э. Кассирер). Однако в сегодняшней реальности мифологизм предстает в формах лжи и вымысла, которые доминируют над правдой, а «фантазии», имиджи и симулякры вытесняют Слово как прямой «глагол действительности», открывающий и рождающий бытие.

Во-вторых, происходит расширение социальной базы языческих идеологий, сближение традиционных форм культуры с опасными для духовного и душевного здоровья элементами языческих практик¹³. Языческое мировоззрение и соответствующие духовно-психические техники, в том числе и обширный спектр оккультных практик, всецело подчиняются вытесненным в подсознание энергиям языческого прошлого, исключаящим «восхождение по духовной лестнице» [21].

Центральной линией возрождающегося неоязычества является реабилитация природного начала, которое в христианской антропологии рассматривалось в качестве источника человеческих грехов. Преподобный Иустин Попович писал: «Гуманистический человек сморщенный, увядший, поплескший, овеществленный, и он

¹³ О реванше язычества свидетельствует интенсивная реабилитация в пространство массовой культуры персонализированных образов и символов древнего мира – Аполлона, Люцифера, Гелиоса и др.

абсолютно прав, метафизических прав, утверждая устами своих философов, что произошел от обезьяны. Приравненному к животным по происхождению почему не приравнять себя к ним и в морали? Принадлежит к животным и зверям по метафизической сущности своего бытия, он к ним принадлежит и по морали. Разве грех и злодейство все более и более не рассматриваются современным гуманистическим правосудием как неизбежность социальной среды, как необходимость природы? Поскольку же в человеке нет ничего бессмертного и вечного, то вся эта этика, в конце концов, сводится к инстинктивным стремлениям. И гуманистический человек, следуя своей логике, приравнял себя в этике к своим предкам, обезьянам и зверям, и в его жизни стал править принцип *homo homini lupus est*. Иначе и быть не могло, ведь только на ощущении человеческого бессмертия может основываться мораль, высшая и лучшая, чем мораль животных» [14, с. 52].

Взросший сегодня интерес к атрибутам языческой культуры свидетельствует о том, что культурный опыт предыдущего этапа не исчезает бесследно – он погружается в онтологические глубины коллективного бессознательного (или в «полевое пространство культуры», как считал А. Пелипенко), тайно продолжая жить и ждать своего часа¹⁴. Языческая стихия присутствовала в европейской культуре даже в эпоху торжества ее христианского духа. Внутри европейской культуры никогда не прекращались «исторические коллизии», из которых складывалась картина «мировой гармонии»: «телесность и чувственность древнегреческого пантеона и канонизированный лик христианского богочеловека; посягательства раскаты античного рока и готическая вертикаль новоевропейской судьбы, растворяющейся в трансценденциях веры и искупления; пифагорейская гармония единого мироздания, мироздания как тела, и математически счисленная, строго упорядоченная «машина мироздания» у Николая Кузанского – вот разительные в своей несводимости

¹⁴ В частности, К. Юнг фиксировал в этническом бессознательном наличие глубоких пластов, присущих всему человечеству, и еще до прихода к власти национал-социалистов отмечал одержимость коллективного бессознательного немцев архетипом воинственного бога Вотана, что потом обернулось исторической трагедией не только немцев, но и всех народов Европы.

сти друг к другу сюжеты «двух культур». И, тем не менее, некий весьма мощный стержень удерживал картину мира в единстве, не давая её опозиционным интенциям рассеяться в культурно-исторических пространствах» [18].

Экспансия языческих цивилизационных матриц (с мифологизмом ментальности его носителей, жесткостью по отношению к чужаку, жестким разделением на «мы» и «они» по критерию «почвы и крови») деформирует ключевые атрибуты бытия человека и общества: функции институтов, смыслообразующие сценарии, жизненные стратегии. При этом врывающиеся в пространство «здесь и теперь» энергии (вирусы) языческого мира чаще всего предстают в форме девиаций (особенно в их ритуальной составляющей, перегруженной мистико-сексуальной символикой и энергетикой). Репрессированные двумя тысячелетиями торжества «культуры пророков» и загнанные в «подвал» языческие практики сегодня врываются в культуру вне своего мистического контекста, который придавал им высший смысл как способу общения с богами. Стареющий (и душой, и телом) европейский обыватель, обессиливший от попыток минимизировать христианский разрыв сущего и должного, уставший от невротического страха смерти, бежит, как ему кажется, в вечную «языческую молодость». Не выдержавший искушений языческих стихий, он с легкостью меняет «ответственное бытие» на «влекомое» (В. Франкл) – *без-ответственное* в смысле понимания своего духовного призвания и полностью детерминированное природными инстинктами.

Смысловая истощенность европейской цивилизации и «экзистенциальная усталость» ее антропологических матриц выносят приговор христианскому духу европейского мира: в усиливающейся схватке «сил усложнения с силами упрощения» Запад не переживёт грядущей «битвы титанов», и «эстафета усложнения перейдет к другим народам и культурам. Прежде всего, дальневосточным. Похоже, наступает их время» [12, с. 18].

В русской культуре языческая линия всегда была представлена не столь убедительно в сравнении с западноевропейским миром, в том числе и сегодня, когда отечественная культура пытается удержать себя в границах традиции. И шанс сохранения христианской духовности у нас остается. Залогом такой надежды является

наша ментальность, отторгающая антигуманную стихию капиталистической экономики и дух рынка, а также народный опыт самоотверженного строительства «царства Божьего» на земле, в котором «блаженны» нищие духом, страдающие за правду и стремящиеся к истине, утверждающие справедливость и милосердие. А. Коцин отмечает, что «противостояние православной – способной на метафизическую жертву – Руси, и теплохладного антропоцентрического Запада раскрывается ныне во всей глубине как главная религиозно-культурно-политическая драма... Святая Русь, заливаемая со всех сторон волнами мировой *апо-стасии*, ушла на онтологическую глубину, но тайно продолжала жить во Христе («град Китеж»). Либеральный Запад предпочел град земной – в виде того или иного гуманистического симулякра, и теперь соблазняет им широкий поверхностный слой русской жизни. Выбирать Крест вместо золота трудно. Однако «хрустальный дворец» человекобожеской евро-американской цивилизации никогда не вызывал восторга у просвещенных русских людей (речь, разумеется, не о смердяковых, мечтой которых была и остается лавочка где-нибудь на Брайтон-Бич)» [8]. О нашей участи и судьбе писал классик: «Пройдя через ряд пыток, шатаясь, падая под ношей крестных мук, человечество шаг за шагом завоевывало возможность законодательства и строительства своей истории. Шаг за шагом оно стремилось реализовать свои идеалы Правды, Истины и Красоты... Правда, кто сочтет, сколько страданий и усилий было потрачено на это! Кто сочтет все те пытки, которым подвергались бесчисленные строители этой Правды! Но... чем активнее будет каждая личность... тем быстрее мы будем приближаться к Правде, и тем чище и прекрасней будет Правда человеческая» [16, с. 521]. Будем верить в такой прогноз и стараться его осуществлять – по мере наших возможностей. Отечественная гуманитарная мысль всегда пыталась «окликнуть» человека словом, помогая ему повернуться к себе и миру «своим главным, сущностным, своей просветленной стороной, лицом, озаренным сердечным светом», пробуждая в нем духовность, которая устремляет человека за горизонты человеческого бытия. Лишь в таком движении ввысь человек может осуществить себя в главном и оправдать свое имя – как чело, обращенное к вечности.

Литература

1. Алтуфьев Д. Зеркало Иблиса [Электронный ресурс] // Острог: альманах. – 2017. – № 14. – С. 59. – URL: http://vk.com/doc354704131_441745887.
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
3. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: мат-лы Первой Всеросс. конф., 11–12 апреля 2013 года. – М.: Канон+, Реабилитация, 2014. – 352 с.
4. Гроф С., Ласло Э., Рассел П. Революция сознания. Трансатлантический диалог. – М.: АСТ, 2004. – 248 с.
5. Ерофеев В. Русские цветы зла. – М.: Подкова, 1997. – 504 с.
6. Жаринов С. Глашатай радикально иного [Электронный ресурс]. – URL: <http://poistine.org/ghashatay-radikalno-inogo#.WUNRjNSLRkg>.
7. Зерзан Дж. Первообытный человек будущего. – М.: Изд. дом «Гилея», 2007. – 224 с.
8. Казин А. Христианское мировоззрение и американский консерватизм [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravaya.ru/leftright/472/4140>.
9. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. – М., 2000. – С. 399.
10. Князева Е. Н., Куркина Е. С. Глобальная динамика мирового сообщества // Историческая психология и социология истории. – 2009. – Т. 1. – С. 129–153.
11. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии [Электронный ресурс] // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=644.
12. Пелипенко А. Русская матрица: последний путь [Электронный ресурс] // Острог: альманах. – 2017. – № 14. – URL: https://vk.com/doc354704131_441745887.
13. Пелипенко А. А. Избранные работы по теории культуры [Электронный ресурс]. – М.: Согласие. – 2014. – URL: <http://www.philologist.livejournal.com/6161348.html>.
14. Преподобный Иустин Попович. Философские пропасти. – М., 2004. – 288с.
15. Соина О. С. Мораль и этика будущего: сотериологический акцент [Электронный ресурс] // Международные Лихачевские научные чтения «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего». 18–20 мая 2017. – СПб., 2017. – URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2017/dokladi/SoinaOS_sec2_rus_izd.pdf.
16. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ.: А. Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
17. Степин В. С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
18. Суханцева В. К. Музыка как мир человека (от идеи Вселенной – к философии музыки) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.countries.ru/library/music_culture/mkm1.htm.
19. Ухтомский А. А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. – СПб.: Петербур. писатель, 1996. – 528 с.
20. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс [Электронный ресурс]. – URL: http://www.aktivnoetv.ru/writer/2192/books/16621/fuko_mishel/nitsshe_freyd_mark.
21. Хоружий С. С. Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Horuzhij/pravoslavnyaya-antropologiya.html>.
22. Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993. – Т. 1. – 667 с.
23. Эриксен Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. – М.: Весь Мир, 2003. – 208 с.
24. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

References

1. Altuf'ev D. *Zerkalo Iblisa* [The mirror of Iblis. Ostrog: al'manakh Ostrog: the almanac], 2017, no. 14, p. 59. (In Russ.). Available at: http://vk.com/doc354704131_441745887.
2. Bek U. *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards Another Modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 383 p. (In Russ.).
3. *Global'noe budushchee 2045: Antropologicheskii krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty. Materialy Pervoy Vserossiyskoy konferentsii, 1-12 aprelya 2013* [The future of 2045: anthropological crisis. Convergent technologies. Transhumanist projects. Materials of the First All-Russian Conference on April 1-12, 2017]. Moscow, Kanon+, Reabilitatsiya Publ., 2014. 352 p. (In Russ.).
4. Grof S., Laslo E., Rassel P. *Revolyutsiya soznaniya. Transatlanticheskii dialog* [The consciousness revolution. Transatlantic dialogue]. Moscow, AST Publ., 2004. 248 p. (In Russ.).
5. Erofeev V. *Russkie tsvety zla* [Russian flowers are evil]. Moscow, Podkova Publ., 1997. 504 p. (In Russ.).
6. Zharinov S. *Ghashatay radikal'no inogo* [Herald radically different]. (In Russ.). Available at: <http://poistine.org/ghashatay-radikalno-inogo#.WUNRjNSLRkg>.

7. Zerzan Dzh. *Pervobytnyy chelovek budushchego [Primitive man of the future]*. Moscow, Gileya Publ., 2007. 224 p. (In Russ.).
8. Kazin A. *Khristianskoe mirovozzrenie i amerikanskiy konservatizm [Christian world view and American conservatism]*. (In Russ.). Available at: <http://www.pravaya.ru/leftright/472/4140>.
9. Kastels M. *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo, kul'tura [Information age. Economy, society, culture]*. Moscow, 2000, p. 399. (In Russ.).
10. Knyazeva E.N., Kurkina E.S. Global'naya dinamika mirovogo soobshchestva [Global dynamics of the world community]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii [Historical psychology and sociology of history]*, 2009, vol. 1, pp. 129-153. (In Russ.).
11. Konvergentsiya biologicheskikh, informatsionnykh, nano- i kognitivnykh tekhnologiy: vyzov filosofii [The convergence of biological, information, nano and cognitive technologies: the challenge of philosophy]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, 2012, no. 12. (In Russ.). Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=644.
12. Pelipenko A. Russkaya matritsa: posledniy put' [The Russian matrix: the last way]. *Ostrog: al'manakh. Ostrog: the almanac*, 2017, no. 14. (In Russ.). Available at: https://vk.com/doc354704131_441745887.
13. Pelipenko A.A. *Izbrannyye raboty po teorii kul'tury [Selected works on the theory of culture]*. Moscow, Soglasie Publ., 2014. (In Russ.). Available at: <http://www.philologist.livejournal.com/6161348.html>.
14. Prepodobnyy Iustin Popovich. *Filosofskie propasti [Philosophical abysses]*. Moscow, 2004. 288 p. (In Russ.).
15. Soina O. S. Moral' i etika budushchego: soteriologicheskii aktsent [Morality and ethics of the future: a soteriological emphasis]. *Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya "Global'nyy mir: sistemye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego", 18–20 maya 2017 [International Likhachev scientific readings "The Global World: Systemic Shifts, Challenges and Contours of the Future". May 18-20, 2017]*. St. Petersburg (In Russ.). Available at: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2017/dokladi/SoinaOS_sec2_rus_izd.pdf.
16. Sorokin P. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [The Man. Civilization. Society]*. Ed. by A.Yu. Sogomonov. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p. (In Russ.).
17. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie [Theoretical knowledge]*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 744 p. (In Russ.).
18. Sukhantseva V.K. *Muzyka kak mir cheloveka (ot idei Vselennoy – k filosofii muzyki) [Music like the world of man (from the idea of the Universe to the philosophy of music)]*. (In Russ.). Available at: http://www.countries.ru/library/music_culture/mkml1.htm.
19. Ukhtomskiy A.A. *Intuitsiya sovesti. Pis'ma. Zapisnye knizhki. Zametki na polyakh [The intuition of conscience. Letters. Notebooks. Notes on the fields]*. St. Petersburg, Peterburgskiy pisatel' Publ., 1996. 528 p. (In Russ.).
20. Fuko M. *Nitsshe, Freyd, Marks [Nietzsche, Freud, Marx]*. (In Russ.). Available at: http://www.aktivnoetv.ru/writer/2192/books/16621/fuko_michel/nitsshe_freyd_mark.
21. Khoruzhiy S.S. *Pravoslavno-asketicheskaya antropologiya i krizis sovremennogo cheloveka [Orthodox-ascetic anthropology and the crisis of modern man]*. (In Russ.). Available at: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Horuzhij/pravoslavnaya-antropologiya.html>.
22. Shpengler O. *Zakat Evropy [The Decline of Europe]*. Moscow, 1993, vol. 1. 667 p. (In Russ.).
23. Eriksen T.Kh. *Tiraniya momenta. Vremya v epokhu informatsii [The tyranny of the moment. Time in the Information Age]*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2003. 208 p. (In Russ.).
24. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii [The meaning and purpose of history]*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 527 p. (In Russ.).